А. А. Попов

Истоки и зарождение греко-буддизма в Индии и Бактрии

Статья посвящена истокам и зарождению так называемого греко-буддизма, синкретического явления в евразийской культуре эпохи эллинизма (IV–I вв. до н. э.) и последующего времени. В работе рассмотрены культурно-исторические предпосылки появления этого феномена: история знакомства древних эллинов с культурой Восточного Ирана и Индостана, ретроспектива развития религиозно-философских воззрений греков и индийцев накануне вторжения войск македонского царя Александра, политические и социальные реалии в момент соприкосновения двух культурных полюсов Старого Света. Особое внимание в статье уделяется рассмотрению первого непосредственного контакта двух идеологических платформ – греческой и индийской религиозно-философской мысли – в период Индийской кампании Александра и литературному наследию Onesicritus, описавшего встречу царя и его самого с гимнософистами. В дальнейшем именно эти взаимодействия привели к появлению и распространению греко-буддизма на территории Греко-Бактрии и индо-греческих царств. С падением власти греческих царей в Центральной Азии и Индии греко-буддизм получил дальнейшее развитие в кушанское время и начал свое шествие на Дальний Восток через территорию Китайской империи.

Ключевые слова: эллинистический период, эллинистическая культура, Греко-Бактрия, индо-греческие царства, греко-буддизм, Onesicritus, Александр Великий

Artem A. Popov

The origins and the genesis of Greco-Buddhism in India and Bactria

The art. is dedicated to the origins and the genesis of so-called Greco-Buddhism, syncretic phenomenon in the Eurasian culture during the Hellenistic epoch (IV–I centuries BC) and the subsequent periods. The cultural-historical premises of the appearance of this phenomenon is examined in this work: the history of the contact of Hellenes with the culture of Eastern Iran and Hindustan, the retrospective review of development of the Greeks and Indians religious-philosophical attitude the day before Macedonian king Alexander's army invasion, the political and social reality, when the two cultural poles of the Old World came into contact. The main point of the art. is the analysis of the direct contact of the two ideological platforms – the Greek and Indian religious-philosophical ideas – in the period of Alexander's Indian campaign and Onesicritus' literary heritage, who described the meeting between the king and himself with gymnosophists. In future exactly these co-operations have carried to appearance and spreading of Greco-Buddhism on the Greco-Bactrian and Indo-Greek kingdoms territories. When the Greek kings power was ended, Greco-Buddhism got its further development during the Kushan period and began its procession to the Far East through the Chinese Empire lands.

Keywords: Hellenistic period, Hellenistic culture, Greco-Bactria, Indo-Greek kingdoms, Greco-Buddhism, Onesicritus, Alexander the Great

DOI 10.30725/2619-0303-2020-1-62-68

Процессы глобализации сегодняшнего дня, благодаря новым технологиям, ускоряются во всех сферах, включая религиозную жизнь. При этом истоки мировоззренческого синкретизма имеют весьма древние корни. Особенную роль здесь играет эпоха, начавшаяся с деятельности македонского царя Александра III Великого. Период эллинизма стал не только новым этапом политической истории, но и важной ступенью для формирования мировой культуры. В ходе трех столетий, предшествовавших приходу христианства, Запад и Восток слились вместе в рамках империи Александра, государств диадохов и эллинистов. Происходил процесс взаимного проникновения культуры эллинов и культур жи-

телей древневосточных цивилизаций. Центральная Азия и Индостан не стали исключением в развитии этого явления. Рассмотрение истории формирования духовной и религиозной картины мира у местных жителей кажется весьма актуальным на фоне современных событий.

Ф. Ф. Зелинский одним из первых формулирует мысль о проникновении греческой культуры в индийские реалии и ее влияния на буддизм. Однако о мере этого воздействия он оставляет вопрос и говорит о том, что «это покажут исследования будущего» [1, с. 200].

Сегодня памятники материальной культуры, произведения искусства мирового значения, найденные в Афганистане, Таджикистане, Узбе-

кистане, Туркмении, Пакистане и Индии ярко отражают эллинистический синкретизм.

Доисламское время в Бактрии демонстрирует прекрасные образцы различных направлений в искусстве, включая вершину изобразительного искусства – античную круглую пластику. Подлинными шедеврами по праву считаются творения гандхарской школы, впитавшей в своих творениях эллинские тенденции в формах и индийские традиции в теме изображаемого объекта.

Таким образом, формируются основы так называемого греко-буддизма. Эта форма культурно-религиозного синкретизма развивалась с приходом Александра Великого в IV в. до н. э. в земли Центральной Азии и Индии вплоть до середины I тысячелетия н. э.

Накануне прихода мусульман были созданы такие известные шедевры, как высеченные в скале колоссальные статуи Будды в провинции Бамиан. Долина реки Бамиан, часть древней Бактрии, является знаковым местом для истории Евразии, самым сердцем современного Афганистана. В истоках Кундуза, левого притока Амударьи, разрезая Гиндукуш, идут пути, соединяющие Индостан с Центральным Востоком. Там располагался центр Великого шелкового пути, где во главе своих армий проходили великие полководцы: Александр, Чингисхан и Тамерлан – и прошел в обратном направлении в своем триумфальном шествии буддизм.

Именно памятники искусства, расположенные в долине этой реки в провинции Баглан, соседней с Бамианом, позволили в середине XX в. говорить Д. Шлюмберже о развенчании «бактрийского миража», который существовал в историографии того времени. Действительно, многочисленная античная и восточная литература рассказывала о богатствах Бактрии и Индии в эпоху эллинизма и в последующие столетия. При этом отсутствие значимых памятников монументальной архитектуры и скульптуры рождало сомнения в верности сообщений древних и средневековых литераторов. На основании находок постэллинистического искусства в ходе исследований храма в Сурх-Котале Д. Шлюмберже сообщил миру о скором открытии новых артефактов, которые станут основой для подтверждения верности сведений классической литературы. В 1964 г. Д. Шлюмберже и П. Бернар начали исследование Ай-Ханум – эллинистического полиса на востоке ойкумены.

В 2001 г. бамианские грандиозные изваяния Будды были уничтожены талибами. Однако отражение страниц истории культуры прошедших тысячелетий остается не только в виде рукотворных предметов, но и в духовном наследии:

религиозных и научных формах, документах, иных памятниках литературы и письменности. И это прошлое вряд ли получится кому-то уничтожить.

Так, в 1880 г. впервые В. Тренкнером опубликовал знаменитый литературный памятник «Вопросы Милинды» («Милиндапаньха»). В нем отчетливо видны взаимовлияния религиозно-философской мысли и литературной традиции греков и индийцев.

Знаменитая Рабатакская надпись подтверждает эллинистический синкретизм. Она была найдена в 1993 г. в провинции Баглан, где был обнаружен храм в Сурх-Котале. Написанная греческим алфавитом на бактрийском языке она содержит эдикт кушанского царя Канишки I (II в. н. э.). Он активно содействовал распространению буддизма, наряду с индийским царем Ашокой и индо-греческим царем Менандром I.

Греко-буддизм – важное звено в эволюции буддизма, яркое проявление культурного синкретизма, занявшее примерно тысячелетие в истории человечества. Поэтому столь важно проследить его истоки и причины возникновения как культурного феномена, оказавшего сильнейшее влияние на страны и народы Евразии, являющиеся сегодня значительной частью населения планеты.

VI–V вв. до н. э. – время жизни легендарного основателя буддизма Будды Шакьямуни. В этот же период произошло первое непосредственное знакомство эллинов с Бактрией и Индией.

Уже Геродот, описывая империю Ахеменидов, говорил, что индийцы – самый первый, т. е. самый удаленный, самый крайний, народ на востоке, о котором эллины имеют определенные сведения [2, с. 169]. Таким образом, о странах, которые расположены восточнее Индии, греки не имели никаких представлений. Он передает рассказ о том, что Барка, греческая колония в Киренаике (Ливия), была захвачена персами. Ее уцелевших жителей Дарий I Великий велел депортировать в бактрийские земли и отвел для них отдельное поселение [2, с. 238]. В правление этого представителя династии Ахеменидов произошло присоединение к его царству долины Инда. Руководил этой военной операцией грек Скилак Кариандийский [2, с. 198]. Во время правления Ксеркса Бранхиды, по мнению эллинов, милетские предатели и святотатцы основали один из городов Бактрии, который впоследствии разрушил Александр Великий [3, с. 489, 594; 4, р. 110; 5, с. 240; 6, с. 152–153].

В IV в. до н. э. кризисные явления поражают полисную систему греков. В этой связи набирают силу идеи, заставляющие граждан многочисленных эллинских государств задуматься о путях

выхода из создавшегося сложного положения. Сократические школы предлагали разные пути: Платон развил идеи об идеальном государстве, «Политика» Аристотеля стала своеобразным учебником по политологии, а космополитизм киников распространял идеи толерантности. Традиционные догмы олимпийской религиозности уже со времени софистов не могли полностью удовлетворить духовные искания жителя полиса. Следовало переосмыслить устоявшиеся представления и адаптировать их к современности. Новые этические нормы начинают формировать не только поведение отдельных индивидуумов, но и социальных групп, этносов, государств. На первое место выходят доктрины, в которых человеческая воля занимает важное место и многое зависит от самой личности. В них такая сильная личность, как македонский царь Александр, становится не мифом, а реальностью. Именно этот багаж взяли с собой македоняне и греки, участвовавшие в походах Александра на восток ойкумены.

Сам Восток не имел политической стабильности в момент высадки войск под руководством македонского царя на азиатский берег. Империя Ахеменидов получила нового правителя в год прихода к власти в Македонии Александра III (336 г. до н. э.). Дарий III был представителем боковой ветви династии и бывшим сатрапом Армении, которому сразу пришлось восстанавливать власть над Египтом. Даже в процессе войны с Александром персидский царь пытался проводить военные реформы, направленные на противодействие вторжению греко-македонских войск. Финалом похода для владыки македонян должно было быть достижение края обитаемого мира на восточном побережье Индостана. Однако Александр смог покорить лишь долину Инда, территорию, некогда завоеванную персами в правление Дария I Великого. При этом в Индии происходила борьба за престол между Чандрагуптой, первым представителем династии Маурьев, и Нандой. Катализатором в этом процессе служило вторжение западного противника. Индийские земли должны были объединяться вокруг сильной личности перед лицом мощного врага, несущего кабалу. Чандрагупта выгодно выделялся на фоне противника своей родословной. Он был кшатрием (воином). В то же время Нанды имели самое низкое происхождение и некогда пытались уничтожить влияние кшатриев в политической жизни. Также первый царь из Маурьев отличался своим воспитанием и образованием. В борьбе за власть и во время правления Чандрагупте I помогал его наставник, брахман по происхождению, Чанакья, известный автор политического трактата

«Артхашастры» под именем Каутильи (Вишнагупты). Неудивительно, что время становления новой династии Маурьев становится периодом распространения буддизма и джайнизма.

Кажется логичным, что во время индийской кампании Александра новые идейные течения, рожденные в Греции и Индии, соприкоснулись друг с другом, органично сплелись и оформили новое явление, названное «греко-буддизмом». Ведь этот культурный феномен имел схожие истоки, причины возникновения на обоих полюсах ойкумены.

Важную роль в этом процессе играли конкретные личности. И, если нам не известны имена многих рядовых сторонников нового идейного течения, то, без сомнения, монархия того времени оказала на это самое решающее влияние.

Хорошо известно, какое воспитание и образование получил Александр Македонский. Среди его наставников, прежде всего, выделяется Аристотель. При этом идеи великого философа не всегда имели воздействие на менталитет его великого ученика. Недаром произошел конфликт между Александром и Каллисфеном, внуком сестры Аристотеля. Впоследствии аристотелевская школа критически оценивала деятельность македонского царя. Например, Аристотель и перипатетики отрицательно относились к привлечению к управлению государством варваров. Александр же придерживался обратного мнения. В Египте он оформил новые принципы управления провинциями своей державы, соединив власть македонцев, греков и египтян. В Иране он пополнил свою армию и администрацию местными жителями. В Индии заимствовал близкие ему идеи в области познания мира. По-видимому, мировоззрение македонского правителя было близким к морали киников. Они, будучи космополитами («гражданами мира»), развивали идеи Сократа и Диогена Синопского о равенстве народов, полов, социальных групп. Неслучайно существует целый пласт литературы, исторических анекдотов о встрече Александра с Диогеном и о симпатиях Александра к Диогену как личности и носителю подлинной философии, которая выражается в искренности и реальном воплощении идей в жизнь.

Именно Александр становится важным элементом в рождении нового синкретизма на берегах Инда. Он открывает первый, так называемый македонский, этап развития эллинистической культуры в Центральной Азии и Индии. На смену ему впоследствии приходят селевкидский этап, начавшийся после смерти великого македонского царя в 323 г. до н. э., и

греко-бактрийский этап, который начался в середине III в. до н. э. и продолжился до конца I в. до н. э.

Македонский этап открыл процесс взаимодействия двух мировоззренческих традиций. Одна из них шла от последователей сократических школ, а вторая – от последователей джайнизма и буддизма. О контактах отдельных греческих философов-участников походов Александра с так называемыми гимнософистами повествует античная литературная традиция.

Уже Феофраст (ок. 370 – между 288 и 285 гг. до н. э.), преемник Аристотеля на посту главы Ликея, писал об индийских мудрецах, «не носящих одежды» [7, с. 129].

Однако наиболее значимые сведения сохраняются в рассказах об Александре и гимнософистах из уст самих участников похода. Самым значимым источником по праву могут считаться сведения Онесикрита (360 – 290 гг. до н. э.), кинического литератора и философа, ученика Диогена Синопского, флотского командира во время Восточной кампании Александра.

Отношение к Онесикриту уже в античности было критическое. Его рассказы носили явный приукрашенный характер, а литературный талант был далек от совершенства. Понятно, почему о нем написал Диоген Лаэртский (II – III вв. до н. э.), что он, имея схожую судьбу с Ксенофонтom, будучи учеником великого философа и участником великого похода, стал автором сочинений об Александре, как Ксенофонт о персидском царе Кире II Великом (VI в. до н. э.) и персидском царевиче Кире Младшем (V в. до н. э.). По мнению Диогена Лаэртского, копируя даже слог Ксенофонта, Онесикрит как подражатель был ниже образца, на который он ориентировался [8, с. 261]. При этом выдающийся историк философии А. Ф. Лосев отмечал, что Диоген Лаэртский не говорит об Онесикрите «ни одного философского тезиса» [9, с. 31].

До написания Диогеном Лаэртским знаменитого труда по истории философии сочинения Онесикрита вымещаются из литературного мирового наследия. Произошел этот процесс благодаря работам великого греческого прозаика Флавия Арриана (ок. 86 – 160 гг. до н. э.), копировавшего стиль не только Ксенофонта, но и Геродота. Арриан являлся не только выдающимся историком и географом, но и учеником Эпиктета (ок. 50 – 138 гг. до н. э.), не писавшим трактатов, подражая Сократу. Поэтому, вторя ученикам Сократа, прежде всего Ксенофонту с его «Воспоминаниями о Сократе», Арриан создает «Беседы Эпиктета». Кроме того, он занимал ряд высших руководящих должностей в

Римской империи времени императоров династии Антонинов.

Здесь выстраивается литературный ряд: Ксенофонт, Онесикрит и Арриан, ученики великих учителей: Сократа, Диогена и Эпиктета соответственно.

Несмотря на то, что тексты Онесикрита до нас не дошли целиком, его сведения по интересующему нас сюжету сохранились и крайне важны для реконструкции реалий прошлого. Их мы находим не только в передаче более поздних авторов, но и на папирусах. Так, один из них, Берлинский папирус № 13044, ученые относят к I в. до н. э. [10, с. 383]. Он содержит рассказ о беседе гимнософистов с Александром Великим [11; 12, с. 271–273]. Второй, Женевский папирус № 271, датируется более поздним временем, примерно II в. н. э., и иллюстрирует диалог Александра с Дандамием, мудрецом-гимнософистом [12; 13; 14].

Страбон передает рассказ о встречах Александра с индийскими «софистами», а также о беседах с ними Онесикрита. В версии, которую излагает Страбон, гимнософист Дандамий назван Манданием. Ссылаясь на Онесикрита, Страбон пишет о беседах этого киника с Каланом и Манданием (Дандамием). Например, по мнению последнего, наилучшим знанием является то, которое освобождает тебя от страдания и удовольствия. Далее Онесикрит рассказывает по просьбе Мандания об учениях Пифагора, Сократа и Диогена. При этом беседы об аскезе занимают здесь центральное место. В дальнейшем Страбон описывает дальнейшие судьбы Калана и Мандания [3, с. 664–667].

У Плутарха мы находим схожий пассаж о том, что сам великий македонский царь общался с подобными мудрецами. После чего по его распоряжению Онесикрит был послан к одному из прославленных гимнософистов Калану (Сфину) и Дандамию [15, с. 257–258].

Арриан передает схожий рассказ о гимнософистах и Дандамий [16, с. 182–183]. При этом он ссылается в своем рассказе только на Мегасфена, автора «Индики» (III в. до н. э.), касаясь личности Калана.

Впоследствии у Псевдо-Каллисфена и в различных версиях «Истории Александра Великого», у Климента Александрийского (ок. 150 – ок. 215 гг.), Палладия (IV–V вв.), Стобея (V в.) встречаются различные переработки на тему контактов индийских мудрецов с Александром и участниками его похода.

Вопрос о том, кто является автором папирусов и источников для античных и средневековых авторов, для многих ученых остается открытым. Для этого существует целый ряд аргументов.

По мнению И. Ш. Шифмана, Онесикрит «излагал джайнизм, понятый и интерпретированный на уровне кинизма» [17, с. 172]. Таким образом, сведения этого античного литератора относительно индийских реалий выглядят субъективными. В тех обстоятельствах какой-то греческий философ вряд ли бы мог полностью понять и принять местные философско-религиозные концепции.

Такая же картина касается и остальных участников похода Александра. Например, Анаксарх, возможно, учившийся у Демокрита, и Пиррон, основатель скептицизма, могли лишь получить новый импульс для развития своих идей [8, с. 377–379].

Античные авторы не имеют единообразия даже в именовании индийских мудрецов. Где-то они называют из просто «софистами» («мудрецами»), а где-то – «гимнософистами» («обнаженными (голыми) мудрецами») [18, с. 50]. Некоторых из них именуют «магами» [8, с. 379].

По-видимому, эллины на первоначальном этапе контактов с индийскими «мудрецами» не могли делать различий между отдельными индийскими философскими доктринами, религиозными направлениями и догматами. Греческих искателей мудрости завораживали отдельные явления индийской идеологии и общие впечатления от нее. Они были очарованы экзотическими поступками местных носителей мудрости.

Осложняется ситуация из-за интерпретации личности Александра в контексте сюжета об индийских мудрецах. Литературная традиция, начатая с античного времени, действительно, по-разному оценивала сложившуюся ситуацию между Александром и гимнософистами. Классик отечественной науки И. М. Нахов рассматривал ее с разных позиций. «Конфликт Александра и киника Диогена» в кинической литературе продолжился противостоянием Александра и гимнософистов. С одной точки зрения, он – тиран, а с другой – человек, преклоняющийся перед философией и жаждущий познания [19, с. 138–141]. У Онесикрита македонский царь выступает как кинический герой в романизированном литературном произведении, в котором правду сложно отделить от вымысла.

Благодаря роману об Александре Онесикрит снискал славу «выдумщика и обманщика». Это произведение пользовалось большой популярностью в античности. Авл Геллий, римский автор II в. н. э., говорит о том, что в Брундиции, в городе-порте на восточном побережье Италии, он продавался у книготорговцев [20, с. 68]. Даже в средневековых версиях «Истории Александра Великого» македонский царь представляется по-разному. Где-то встречается Александр, не

принимающий сторону индийских мудрецов. Здесь у него присутствует своя «контртеория» о том, как следует жить человеку. Где-то Александр принимает сторону Дандамия. При этом он не может избавиться от своего рока и движимый им продолжает дальнейшие завоевания [18, с. 57].

Для скептиков в качестве противоположного аргумента хочется привести следующий ряд соображений. У нас есть прямая ссылка Страбона на Онесикрита. Автор «Географии» редко делает переложение других литераторов без ссылок. Он даже отмечает, что существуют «примеры несогласованности писателей» в изложении материала. Пример этого – рассказ о Калане [3, с. 667]. Игнорирование же имени Онесикрита у Плутарха и Арриана при изложении сюжета о гимнософистах объясняется тем, что они оба являлись философами и могли с некоторым небрежением относиться к личности, творчеству и деятельности киника. Страбон же мог быть более объективен.

Кроме того, на Берлинском и Женевском папирусах мы не находим ссылок на автора этих пассажей. Нет имени «Онесикрит» в рассматриваемых текстах. Эти ссылки могли бы говорить, по крайней мере, о заимствовании со стороны неизвестного литератора сведений другого писателя или очевидца описанных событий.

В связи с вышеизложенным кажется правильным соотнести тексты, содержащиеся на указанных папирусах, с именем Онесикрита. Возможно, здесь мы имеем дело с фрагментами несохранившихся до нас сочинений самого кинического автора или с частями каких-то работ других литераторов, которые использовали традицию, восходящую к Онесикриту.

Нельзя сказать, что для истории философской мысли школа киников внесла наибольшие достижения. Кинизм представляет собой скорее образ жизни, нежели развитую философскую систему. При этом их космополитизм – яркий вклад в мировоззренческие установки человечества. Кроме того, киническое литературное наследие играет важную роль как источник по изучению различных отраслей культуры. Не исключением является и сочинения Онесикрита. Его работы – важное связующее звено в истории мировой культуры, соединяющее греческие и индийские нити, которые воплотились в так называемый греко-буддизм. При этом творцом, в чьих руках оказался Онесикрит, был Александр Великий. Именно со времени походов македонского царя следует отмерить путь этого культурного явления в Центральной Азии и Индии.

Сложно однозначно говорить об отношении самого Александра к кинизму. Очевидно,

что он благоволил киникам, так как ему были близки их идеи космополитизма. Недаром киники превратили его в своего литературного героя, а перипатетики превратили Александра после победы над Дарием III в жестокого тирана [21, с. 76].

По мнению Е. В. Абдуллаева, греко-бактрийские цари продолжили покровительство кинизму. Ученый высказывает идею о том, что найденные в Ай-Ханум фрагменты текстов на папирусах могут быть киническими и в них обсуждается платоновское учение о причастности чувственных вещей сверхчувственным идеям. В качестве аргумента он приводит факт, что уже Антисфен (V–IV вв. до н. э.), будучи основателем школы киников и оппонентом Платона, критиковал идеи последнего по данному вопросу. Продолжил критику платоновских идей Диоген Синопский [22, с. 132–133]. К тому же выдающийся французский исследователь античной философии П. Адо считал, что айханумские философские тексты трудно определить как платоновские или аристотелевские [23, р. 244–249].

Впоследствии распространение греко-буддизма сопряжено с политической обстановкой в регионе. В III в. до н. э. в правление Ашоки, третьего представителя династии Маурьев, в ходе контактов с Бактрией под властью Селевкидов и позже под руководством независимых греко-бактрийских царей происходит процесс усиления взаимодействия античной философской и религиозной мысли с буддизмом. Революционным этапом в экспансии буддизма в Бактрию становятся события II в. до н. э.: покорение Индии греко-бактрийским царем Деметрием I Аникетом и правление в индийских землях поборника буддизма Менандра I Сотера. В дальнейшем эта тенденция распространения буддизма продолжается с приходом в этот регион кушан. В I в. до н. э. постепенно формируется Кушанская империя, в результате вобравшая в себя владения и греко-бактрийских, и индо-греческих правителей. Благодаря кушанским правителям, особенно Канишке I, буддизм превращается в подлинно мировую религию, покорившую умы не только жителей античного мира, Индии и Центральной Азии, но Дальнего Востока, объединившей под своей властью значительной части Евразии.

Список литературы

1. Зелинский Ф. Ф. История античной культуры. 2-е изд. Санкт-Петербург: Марс, 1995. 384 с.
2. Геродот. История: в 9 кн. / пер. Г. А. Стратановского. 2-е изд. Москва: Ладомир, 1993. 600 с.

3. Страбон. География: в 17 кн. / пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского, под общ. ред. С. Л. Утченко, ред. пер. О. О. Крюгер. 2-е изд. Москва: Ладомир, 1994. 944 с.
4. Diodorus of Sicily: in 12 vols / with an Engl. transl. by C. Bradford Welles. Cambridge; London: Harvard Univ. Press–Heinemann, 1963. Vol. 8, bs 16–17. 256 p.
5. Плутарх. Моралии. Почему божество медлит с воздаянием / пер. и коммент. Л. А. Ельниченко // Вестник древней истории. 1979. № 1. С. 225–253.
6. Кв. Курций Руф. История Александра Македонского / под ред. А. А. Вигасина. Москва: Изд-во МГУ, 1993. 464 с.
7. Феофраст. Исследования о растениях / пер. с древнегреч. и примеч. М. Е. Сергеевко; ред. И. И. Толстого и Б. К. Шишкина. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1951. 589 с.
8. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова; общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Loseva. Москва: Мысль, 1979. 620 с.
9. Лосев А. Ф. Диоген Лаэртский – историк античной философии. Москва: Наука, 1981. 192 с.
10. Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия) / подбор текстов и пер. с древнегреч. и лат., примеч. и аннот. указ. Г. А. Тароняна; введ. А. А. Вигасина. Москва: Ладомир, 2007. 642 с.
11. Wilcken U. Alexander der Große und die indischen Gymnosophisten // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften (Philosophisch-Historische Klasse). Berlin: Verlag der Akad. der Wissenschaften, 1923. S. 150–183.
12. Антология кинизма: Фрагменты сочинений кинических мыслителей. Антисфен. Диоген. Кратет. Керкид. Дион / изд. подготовил И. М. Нахов. Москва: Наука, 1984. 398 с.
13. Martin V. Un recueil de diatribes cyniques // Museum Helveticum. Basell, 1959. Vol. 16, fasc. 2. P. 77–115.
14. Photiadès P. Les diatribes cyniques du papyrus de Genève 271, leurs traductions et élaborations successives // Museum Helveticum. Basell, 1959. Vol. 16, fasc. 2. P. 116–139.
15. Плутарх. Александр // Арриан. Поход Александра / пер. М. Е. Сергеевко, вступ. ст. С. Ю. Трохачева. 2-е изд. Санкт-Петербург: Алетей, 1993. С. 209–266.
16. Арриан. Поход Александра / пер. М. Е. Сергеевко, вступ. ст. С. Ю. Трохачева. 2-е изд. Санкт-Петербург: Алетей, 1993. 368 с.
17. Шифман И. Ш. Александр Македонский. Санкт-Петербург: изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 213 с.
18. Королева Е. М. Рассказ о брахманах в древнерусской и латинской версиях «Романа об Александре»: источники и их модификация // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3. Филология. 2012. Вып. 4 (30). С. 41–58.
19. Нахов И. М. Киническая литература. Москва: Наука, 1981. 304 с.
20. Нахов И. М. Философия киников. Москва: Наука, 1982. 224 с.

21. Кошеленко Г. А. Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э. // Вестник древней истории. 1972. № 1. С. 59–78.

22. Абдуллаев Е. В. Идеи Платона между Элладой и Согдианой: очерки ранней истории платонизма на Среднем Востоке. Санкт-Петербург: Алтейя, 2007. 320 с.

23. Hadot P. Les textes littéraires grecs de la trésorerie hellénistique d'Ai Khanoum (Afghanistan) // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1987. T. 111, № 1. P. 240–249.

References

1. Zelinskiy F. F. History of the Antique culture. 2nd ed. Saint Petersburg: Mars, 1995. 384 (in Russ.).

2. Herodotus; Stratanovskii G. A. (transl.). Histories: in 9 books. 2nd ed. Moscow: Lodomir, 1993. 600 (in Russ.).

3. Strabo; Stratanovskij G. A. (transl., art. and comment.), Utchenko S. L. (ed.), Kruger O. O. (ed. of transl.). The Geography: in 17 books. 2nd ed. Moscow: Lodomir, 1994. 944 (in Russ.).

4. Diodorus, Bradford Welles C. (transl.). Diodorus of Sicily: in 12 vols. Cambridge (Massachusetts), London: Harvard Univ. Press-Heinemann, 1963. 8, bs 16–17. 256.

5. Plutarch; Elnitskiy L. A. (transl., comment.). Moralia. On the Delays of Divine Vengeance. *Journal of Ancient history*. 1979. 1. 225–253 (in Russ.).

6. Quintus Curtius Rufus; Vigasin A. A. (ed.). Histories of Alexander the Great. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1993. 464 (in Russ.).

7. Theophrastus; Sergeenko M. E. (transl.), Tolstoy I. I. (ed.); Shishkin B. K. (ed.). Enquiry into Plants. Moscow; Leningrad: the USSR Acad. of Sci., publ. house, 1951. 589 (in Russ.).

8. Diogenes Laërtius; Gasparov M. L. (transl.); Losev A. F. (ed., art.). Lives and Opinions of Eminent Philosophers. Moscow: Mysl', 1979. 620 (in Russ.).

9. Losev A. F. Diogenes Laërtius – the historian of the Antique philosophy. Moscow: Nauka, 1981. 192 (in Russ.).

10. Taronyan G. A. (transl., ed.); Vigasin A. A. (introd.). Ancient East in Antique and Medieval tradition (India, China and Southeast Asia). Moscow: Lodomir, 2007. 642 (in Russ.).

11. Wilcken U. Alexander der Große und die indischen Gymnosophisten. *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften (Philosophisch-Historische Klasse)*. Berlin: Verl. der Akad. der Wissenschaften, 1923. 150–183.

12. Nahov I. M. (ed.) Anthology of Cynicism: Fragments of the Cynic thinkers essays. Antisthenes. Diogenes. Crates. Cercidas. Dio. Moscow: Nauka, 1984. 398 (in Russ.).

13. Martin V. Un recueil de diatribes cyniques. *Museum Helveticum*. 1959. Basell, 1959. 16, fasc. 2. 77–115.

14. Photiadès P. Les diatribes cyniques du papyrus de Genève 271, leurs traductions et élaborations successives. *Museum Helveticum*. Basell, 1959. 16, fasc. 2. 116–139.

15. Plutarch; Sergeenko M. E. (transl.), Trokhachev S. U. (art.). Alexander. Arrian. *The Anabasis of Alexander*. 2nd ed. Saint Petersburg: Aletheia, 1993. 209–266 (in Russ.).

16. Arrian; Sergeenko M. E. (transl.), Trokhachev S. U. (art.). The Anabasis of Alexander. 2nd ed. Saint Petersburg: Aletheia, 1993. 368 (in Russ.).

17. Shifman I. Sh. Alexander of Macedonia. Saint Petersburg: Saint Petersburg Univ. Press, 2007. 213 (in Russ.).

18. Koroleva E. M. Story about brahmans in the Ancient Russian and Latin versions of "Romance of Alexander": the sources and their modification. *Bulletin of Orthodox St. Tikhon University for the Humanities*. Series 3. Philology. 2012. 4 (30), 41–58 (in Russ.).

19. Nahov I. M. Cynic literature. Moscow: Nauka, 1981. 304 (in Russ.).

20. Nahov I. M. Philosophy of the Cynics. Moscow: Nauka, 1982. 224 (in Russ.).

21. Koshelenko G. A. Rebellion of Greeks in Bactria and Sogdiana in 323 BC and the several aspects of the Greek political ideas in the IV century BC. *Journal of Ancient history*. 1972. 1, 59–78 (in Russ.).

22. Abdullaev E. V. Ideas of Plato between Hellas and Sogdiana: Essays of the Early history of Platonism in the Middle East. Saint Petersburg: Aletheia, 2007. 320 (in Russ.).

23. Hadot P. Les textes littéraires grecs de la trésorerie hellénistique d'Ai Khanoum (Afghanistan). *Bulletin de Correspondance Hellénique*. 1987. 111 (1), 240–249.